

Обобщение судебной практики по спорам, связанных с применением корпоративного законодательства.

Во исполнение пункта 4.1.3 плана работы Арбитражного суда Волго-Вятского округа на второе полугодие 2021 года второй судебный состав обобщил практику рассмотрения споров, связанных с применением корпоративного законодательства.

В первую очередь это дела, связанные с применением Федеральных законов «Об акционерных обществах» и «Обществах с ограниченной ответственностью». Судебная статистика гласит, что за последние несколько лет количество таких дел из года в год неуклонно увеличивается. В Арбитражном суде Волго-Вятского округа в 2016 году было рассмотрено 100 дел данной категории, в 2019 – 157, рост составил практически 50 процентов.

Все это говорит о том, что участники корпоративных отношений склонны искать защиту именно в суде, а не разрешать спор иным образом.

Конечно, каждый спор индивидуален, и в данном обобщении мы постарались привести наиболее интересные, на наш взгляд, дела, связанные с применением корпоративного законодательства за последние несколько лет.

Споры о взыскании убытков с общества

Юридическое лицо (акционер) обратилось в арбитражный суд с иском к эмитенту и специализированному регистратору о взыскании 2 744 262 500 рублей убытков.

Исковые требования основаны на статьях 15, 393, 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, статье 44 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ "Об акционерных обществах", статье 33 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ "О рынке ценных бумаг" и мотивированы утратой права на акции помимо воли истца в результате противоправных действий третьих лиц, гражданско-правовую ответственность за действия которых несет эмитент.

В обоснование иска было указано, что в результате виновных действий единоличного исполнительного органа эмитента, действовавшего в сговоре с бухгалтером истца, совершены сделки по продаже принадлежащих истцу акций двух юридических лиц. При этом регистратор эмитента совершил действия по исполнению распоряжений незаконно избранного директора истца о списании с его лицевого счета стоимости данных акций.

Суд первой инстанции удовлетворил иск частично и взыскал с ответчика – эмитента 1 376 189 000 рублей убытков; в остальной части иска отказал. Суд пришел к выводу о том, что ответчик должен нести ответственность за ведение и хранение реестра акционеров.

Вторая инстанция согласилась с выводом суда о том, что эмитент должен нести ответственность за ведение и хранение реестра акционеров, вместе с тем, применив статью 404 Гражданского кодекса Российской Федерации, пришла к выводу о наличии оснований для уменьшения размера ответственности ответчика и взыскала 688 094 500 рублей.

Суд кассационной инстанции отменил принятые ранее судебные акты и отказал в удовлетворении исковых требований в полном объеме.

При этом суд округа исходил из установления конкретного лица, виновного в хищении спорного пакета акций, и отсутствия правовых нормы, в силу которых на эмитента и регистратора, надлежащим образом соблюдавших порядок ведения реестра акционеров общества, может быть возложена ответственность за преступные действия третьих лиц.

Закон об акционерных обществах обязывает акционерное общество обеспечить ведение и хранение реестра акционеров общества в соответствии с правовыми актами Российской Федерации с момента государственной регистрации общества (пункт 2 статьи 44) и предусматривает, что держателем реестра акционеров общества может быть само это общество или регистратор, которому оно поручает ведение и хранение реестра акционеров (первый абзац пункта 3 статьи 44).

Согласно пункту 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2010 № 2-П участниками отношений, связанных с ведением реестра акционеров, являются само акционерное общество (эмитент), его акционеры, а также регистратор, осуществляющий ведение и хранение реестра акционеров на основании договора, заключаемого с эмитентом (статья 44 Закона № 208 и статья 8 Закона № 39).

В пункте 3.2 упомянутого постановления указано, что договорные отношения между акционерным обществом и регистратором по поводу возложения на последнего исполнения обязательства по ведению и хранению реестра акционеров в значительной степени затрагивают интересы акционеров, в том числе не обладающих большими пакетами акций. Однако акционеры непосредственно не влияют на выбор (или последующую замену) регистратора, а также на определение условий договора с ним: даже в случае, когда передача ведения и хранения реестра регистратору обязательна в силу пункта 3 статьи 44 Закона об акционерных обществах, именно акционерное общество выбирает регистратора и вырабатывает условия договора с ним. Соответственно, оно обязано проявить достаточную осмотрительность и заботливость, с тем чтобы заключить договор с таким лицом, деятельность которого по ведению и хранению реестра позволит обеспечить имущественные интересы акционеров. Поскольку риск утраты акционером – наиболее слабой, по общему правилу, стороной в данных отношениях – прав на принадлежащие ему акции при осуществлении с ними регистрационных действий должен компенсироваться гарантией возмещения ему убытков, причиненных такой утратой, предполагается, что при отсутствии иных гарантийных институтов (например, обязательного страхования ответственности регистратора) возмещение убытков может быть обеспечено через привлечение к ответственности самого акционерного общества – эмитента за неправомерное списание регистратором акций с лицевого счета акционера.

Таким образом, с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации акционерное общество (эмитент), поручившее ведение реестра регистратору, несет ответственность за убытки, причиненные акционеру, только в случае неправомерного списания регистратором акций с лицевого счета акционера.

Между тем, действия регистратора по списанию спорного пакета акций были предметом рассмотрения в арбитражном суде по другим делам.

При рассмотрении указанных дел было установлено, что регистратор совершил действия, предусмотренные Положением о ведении реестра владельцев имен-

ных ценных бумаг, утвержденным постановлением ФКЦБ России от 02.10.1997 № 27, и правомерно внес в реестр записи о списании упомянутых акций, поскольку передаточные распоряжения были составлены надлежащим образом и подписаны зарегистрированным в реестре лицом.

Таким образом, поскольку названными судебными актами не признаны незаконными действия регистратора по списанию с лицевого счета истца спорных акций, суд округа указал, что на эмитента, в силу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, не может быть возложена ответственность за убытки, возникшие в связи с утратой акций, ввиду чего отказал в удовлетворении требований в оспариваемой части. (Дело № А43-2967/2013).

Аналогичным образом было рассмотрено и другое дело № А43-2971/2013.

Позиция окружного суда по данным делам была поддержана Верховным судом Российской Федерации.

По другому делу участник общества с ограниченной ответственностью обратился в арбитражный суд иском к ответчику о взыскании в пользу Общества убытков.

Исковое требование основано на статье 44 Федерального закона № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" и мотивировано тем, что, исполняя обязанности единоличного исполнительного органа Общества, ответчик необоснованно перечислила с его расчетного счета на свой счет в качестве займа 1 600 000 рублей, а также создала ситуацию, в результате которой у Общества возникла задолженность по выплате заработной платы сотрудникам организации в сумме 494 457 рублей 50 копеек и по обязательным платежам в бюджет в сумме 136 464 рублей 28 копеек.

Арбитражный суд первой инстанции решением, оставленным без изменения постановлением арбитражного апелляционного суда, отказал в удовлетворении иска. Суд пришел к выводу о пропуске истцом срока исковой давности по требованию о взыскании 1 600 000 рублей убытков, связанных с необоснованной выдачей займа.

Суды исходили из того, что истец должен был узнать о совершении сделки не позднее даты (30.04.2016) проведения годового общего собрания участников (акционеров) по итогам года, в котором была совершена оспариваемая сделка. При этом суд апелляционной инстанции указал, что даже при условии того, что из предоставленных участникам такого собрания материалов нельзя сделать вывод о совершении такой сделки (поскольку из данных бухгалтерского баланса не следовало, что спорная сделка совершена и (или) изменился состав основных активов по сравнению с предыдущим годом), однако истец не был лишен права знакомиться с документацией о финансово-хозяйственной деятельности Общества, а потому мог запросить соответствующую информацию у Общества. Таким образом, по мнению судов, срок исковой давности подлежал исчислению с 30.04.2016 и на момент обращения истца в арбитражный суд с исковым заявлением (11.10.2019) истек.

Вместе с тем, указав на истечение срока исковой давности, суды не учли следующее.

Заявитель кассационной жалобы выражал несогласие с выводом судов о пропуске истцом срока исковой давности, поскольку суд не выяснил момент, когда истец узнал или мог реально узнать о нарушении своего права и о надлежащем от-

ветчике. Истец настаивал на том, что не мог узнать о заключенном договоре займа от 05.08.2015, поскольку бухгалтерская отчетность Общества за 2015 – 2017 годы не содержала информации о перечислении ответчику 1 600 000 рублей.

Согласно пункту 10 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» арбитражным судам предписано учитывать, что участник юридического лица, обратившийся с иском о возмещении директором убытков, действует в интересах юридического лица (пункт 3 статьи 53 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 225.8 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации). Течение срока исковой давности по требованию такого участника применительно к статье 201 Гражданского кодекса Российской Федерации начинается со дня, когда о нарушении со стороны директора узнал или должен был узнать правопреемник такого участника юридического лица. В случаях, когда соответствующее требование о возмещении убытков предъявлено самим юридическим лицом, срок исковой давности исчисляется не с момента нарушения, а с момента, когда юридическое лицо, например, в лице нового директора, получило реальную возможность узнать о нарушении, либо когда о нарушении узнал или должен был узнать контролирующий участник, имевший возможность прекратить полномочия директора, за исключением случая, когда он был аффилирован с указанным директором.

В рассматриваемом случае договор займа заключен от имени Общества ответчиком, исполняющей полномочия единоличного исполнительного органа Общества; контрагентом по сделке также является ответчик. Из представленной бухгалтерской отчетности Общества за период 2015 – 2017 годов не усматривается наличие у Общества дебиторской задолженности в размере более 250 000 рублей, что может свидетельствовать о сокрытии ответчиком от второго участника Общества информации, касающейся его корпоративных прав.

Действительно, Закон об обществах предусматривает право участника получать информацию о деятельности общества и знакомиться с его бухгалтерскими книгами и иной документацией в установленном его уставом порядке, однако не устанавливает его обязанности запрашивать у единоличного исполнительного органа общества документы о финансово-хозяйственной деятельности общества в каждом отчетном периоде.

Окружной суд полагает, что с учетом презумпции добросовестности субъектов гражданского оборота у участника Общества, истца, в отсутствие обоснованных сомнений в добросовестности своего компаньона и директора Общества, не имелось обязанности (мотивированной необходимости) в направлении запроса подробной информации о финансовых обязательствах Общества.

При данных обстоятельствах подлежал применению иной порядок исчисления срока исковой давности, для определения которого необходимо было выяснить, когда о соответствующей сделке узнал или мог реально узнать участник, предъявивший требование о взыскании убытков.

Между тем данные обстоятельства судами не устанавливались, в связи с этим судебные акты были отменены, и дело направлено на новое рассмотрение. (дело № А39-11519).

По другому делу акционер, являющийся одновременно директором Обществ-

ва, обратился в арбитражный суд с иском к другому акционеру с требованием о взыскании убытков.

Истец пояснил, что он и ответчик являются акционерами Общества. Общество обратилось в Банк с заявлением о перекредитовании. Одним из требований Банка являлось поручительство акционеров по кредитным обязательствам Общества. Поскольку ответчик не представил документы в подтверждение своего поручительства, Банк отклонил заявления Общества о перекредитации под меньшую процентную ставку. Истец также указал, что на общем собрании акционеров Общества ответчик голосовал против одобрения крупной сделки по привлечению кредитных средств от Банка, тем самым причинил Обществу убытки.

Судебные инстанции отказали в удовлетворении исковых требований.

По правилам статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Согласно пункту 3 статьи 53 Гражданского кодекса Российской Федерации лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Таковую же обязанность несут члены коллегиальных органов юридического лица (наблюдательного или иного совета, правления и т.п.).

В соответствии с абзацем третьим пункта 1, пунктом 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» по делам о возмещении убытков истец обязан доказать возникновение у юридического лица убытков (пункт 2 статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации), а также о наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица.

Оценив действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации (абзац 3 пункта 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

В соответствии с пунктом 2 статьи 32 Закона № 208-ФЗ акционеры могут участвовать в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам, относящимся к его компетенции.

Суды исходили из того, что действующее гражданское законодательство не возлагает на акционера обязанности выступать поручителем по кредитным обязательствам общества. Участие в общем собрании акционеров, голосование по вопросам повестки дня напрямую связаны с волей голосующего, его мнением по поставленным вопросам, которое не может и не должно вписываться в рамки ожи-

даемого поведения, интересы других лиц. Волеизъявление не является показателем добросовестности или недобросовестности, это способ реализации права на участие в управлении делами корпорации. Ответчик реализовал свое право на участие в указанном собрании акционеров и выразил свою волю по вопросу повестки дня путем голосования «против».

Суд округа признал данные выводы обоснованными и оставил судебные акты без изменений. (Дело № А43-5110/2021).

Оспаривание сделок, связанных с долями общества

Истец обратился в арбитражный суд с иском о расторжении договора купли-продажи части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, заключенного между ними. Настаивая на удовлетворении исковых требований истец указал на отсутствие оплаты со стороны ответчика приобретенной им доли в уставном капитале Общества по договору купли-продажи, как существенное нарушение условий договора.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска. Апелляционная инстанция не нашла оснований для отмены решения суда. При этом суды установили, что между истцом и ответчиком был заключен договор купли-продажи доли в уставном капитале Общества. Заключение договора подтвердили истец и ответчик. В пункте 1 договора определено, что размер принадлежащей истцу доли в уставном капитале общества составляет 100 процентов.

После отчуждения части доли принадлежащая продавцу доля в уставном капитале будет составлять 40 процентов.

Согласно пункту 5 договора ответчик покупает у истца часть доли в уставном капитале Общества в размере 60 процентов за 6 114 600 рублей.

В пункте 5.1 договора купли-продажи части доли в уставном капитале Общества указано, что расчет между сторонами произведен полностью до подписания договора, истец получил от ответчика 6 114 600 рублей.

Договор подписан истцом и удостоверен нотариально.

В соответствии со статьей 21 Федерального закона Об обществах с ограниченной ответственностью" (далее - Закон об обществах) переход доли или части доли в уставном капитале общества к одному или нескольким участникам данного общества либо к третьим лицам осуществляется на основании сделки, в порядке правопреемства или на ином законном основании.

Согласно пункту 1 статьи 454 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Покупатель обязан оплатить товар непосредственно до или после передачи ему продавцом товара, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другим законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи и не вытекает из существа обязательства (пункт 1 статьи 486 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Отсутствие у ответчика расписки в форме отдельного документа не свидетельствует о неисполнении с его стороны встречного обязательства по договору купли-продажи части доли в уставном капитале общества, о котором содержится указание в договоре.

Указание заявителя о включении пункта 5.1 в договор под влиянием злоупотребления со стороны покупателя и доверием продавца не принимается во внимание, так последний не мог не осознавать правовые последствия данной фразы и к которым при отсутствии фактической оплаты сделки может она может привести.

С учетом изложенного суды первой и апелляционной инстанций, оценив представленную в материалы дела доказательственную базу по правилам, предусмотренным в статье 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, и приняв во внимание наличие в договоре прямого указания об оплате, которое приравнивается к расписке, пришли к обоснованному выводу, что не имеется правовых оснований для расторжения договора купли-продажи в связи с отсутствием встречного исполнения продавца по сделке.

В рамках кассационного производства окружной суд не нашел оснований для отмены судебных актов по данному делу. Дело (№ А82-11004/2020).

В рамках другого спора участник общества обратился в арбитражный суд с иском о признании сделок по выходу двух других участников из состава участников Общества, недействительными.

В силу положений статьи 26 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», в редакции, действующей на 10.03.2020, участник общества вправе выйти из общества путем отчуждения доли обществу независимо от согласия других его участников или общества, если это предусмотрено уставом общества; заявление участника общества о выходе из общества должно быть нотариально удостоверено по правилам, предусмотренным законодательством о нотариате для удостоверения сделок; выход участников общества из общества, в результате которого в обществе не остается ни одного участника, а также выход единственного участника общества из общества не допускается.

Выход участника из общества осуществляется на основании его заявления, с момента подачи которого его доля переходит к обществу. Заявление о выходе из общества должно подаваться в письменной форме (пункт 2 статьи 26 Закона).

Временем подачи такого заявления следует рассматривать день передачи его участником как совету директоров (наблюдательному совету) либо исполнительному органу общества (единоличному или коллегиальному), так и работнику общества, в обязанности которого входит передача заявления надлежащему лицу, а в случае направления заявления по почте – день поступления его в экспедицию либо к работнику общества, выполняющему эти функции.

Как указал истец, в предусмотренный законом месячный срок документы

для государственной регистрации изменений, связанных с его выходом из Общества, в регистрирующий орган представлены не были. Более того в Единый государственный реестр юридических лиц внесена запись об изменении сведений о юридическом лице, согласно которой доли, ранее принадлежащие двум другим участникам Общества, принадлежат обществу. Данные обстоятельства лишают его возможности реализовать право на выход из состава участников, о котором он заявил ранее ответчиков.

Судебные инстанции удовлетворили исковые требования. Участники, вышедшие из Общества были восстановлены в правах и обязанностях участников Общества. При этом судами было установлено, что истец подал заявление о выходе из участников общества 10.03.2020, а два других участника – 11.03.2020.

Однако в отношении заявления истца, каких-либо действий по внесению изменений, связанных с выходом из состава участников общества, в Единый государственный реестр юридических лиц не были совершены, суды пришли к выводу, что истец вышел из общества первым и реализовал свое право на выход, что свидетельствует о том, что оба оставшихся участника общества одновременно не могут выйти из общества, так как выход участников из общества, в результате которого в обществе не останется ни одного участника недопустим, а следовательно, заявления двух других участников о выходе из состава участников общества, поданные одновременно, являются недействительными, так как противоречат статьям 166 и 168 Гражданского кодекса Российской Федерации и статье 26 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Доводы ответчиков, которые отрицали подачу истцом заявления о выходе из Общества, поскольку работник Общества, получивший данное заявление, не обладал полномочиями по ведению делопроизводства в Обществе, были отклонены судами со ссылкой на статью 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом судами было установлено, что работник, принявший заявление о выходе из общества, обладал соответствующими полномочиями, подтвержденными свидетельскими показаниями, а также доверенностью, выданной данному лицу.

Суд округа согласился с такими выводами и оставил судебные акты без изменения.

По другому делу истец обратился в арбитражный суд с иском о взыскании действительной стоимости доли в связи с подачей заявления о выходе из Общества.

Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска в связи с неисполнением истцом обязанности по надлежащему извещению Общества о выходе из состава его участника.

Апелляционная инстанция отменила решение суда первой инстанции и удовлетворила иск в полном объеме.

Предметом кассационного обжалования принятого апелляционной инстанцией судебного акта послужило несогласие Общества с выводом суда о получении ответчиком заявления истца о выходе из состава участников Общества. Заявитель

указал, что материалы дела не содержат доказательств получения работником Общества либо его директором, надлежащим образом оформленного заявления.

Суд установил, что истец оформил нотариально удостоверенное заявление о выходе из состава участников Общества и направил это заявление Обществу (по месту его регистрации, известному истцу месту фактического нахождения), а также по месту жительства второго участника Общества, который являлся его единоличным исполнительным органом.

Все отправления были доставлены курьером и вручены адресату, о чем заполнены соответствующие расписки, представленные в подлиннике в материалы настоящего дела.

Согласно третьему, шестому абзацам пункта 63 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» гражданин, индивидуальный предприниматель или юридическое лицо несут риск последствий неполучения юридически значимых сообщений, доставленных по адресам, перечисленным в абзацах первом и втором настоящего пункта, а также риск отсутствия по указанным адресам своего представителя. Гражданин, сообщивший кредиторам, а также другим лицам сведения об ином месте своего жительства, несет риск вызванных этим последствий (пункт 1 статьи 20 Гражданского кодекса Российской Федерации). Сообщения, доставленные по названным адресам, считаются полученными, даже если соответствующее лицо фактически не проживает (не находится) по указанному адресу. Адресат юридически значимого сообщения, своевременно получивший и установивший его содержание, не вправе ссылаться на то, что сообщение было направлено по неверному адресу или в ненадлежащей форме (статья 10 Гражданского кодекса Российской Федерации).

По адресу фактического нахождения Общества заявление было получено работником общества и скреплено печатью Общества. При этом, по мнению суда, полномочия работников ответчика на получение корреспонденции, доставленной курьером, могут подтверждаться не только выданной доверенностью, но и явствовать из обстановки, в которой действует представитель, в частности, из наличия у него доступа к печати представляемого лица и нахождения его на рабочем месте (статья 182 Гражданского кодекса Российской Федерации).

По месту жительства директора общества заявление получено им лично о фальсификации почтовых извещений директор не заявлял.

По юридическому адресу Общество заявление не получило, в связи с отсутствием последнего по данному адресу.

При указанных обстоятельствах суд апелляционной инстанции правомерно признал доказанным факт исполнения истцом обязанности по направлению заявления о выходе из состава участников Общества.

Аналогичным образом было рассмотрено дело № А82-15950/2019.

Споры о взыскании действительной стоимости доли

Бывший участник общества, обратился в арбитражный суд с исковыми заявлениями об определении доли в уставном капитале и взыскании ее в денежном эк-

виваленте. Требования мотивированы невыплатой истцу действительной стоимости доли в уставном капитале Общества. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении иска, поскольку посчитал, что на основании пункта 1 статьи 63 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и в связи с принятием арбитражным судом решения о введении в отношении Общества процедуры наблюдения удовлетворение заявленного требования невозможно.

Арбитражный апелляционный суд названное решение суда отменил и удовлетворил иск. При этом апелляционная инстанция пришла к следующим выводам.

Согласно четвертому абзацу пункта 8 статьи 23 Закона об обществах с ограниченной ответственностью общество не вправе выплачивать действительную стоимость доли или части доли в уставном капитале общества либо выдавать в натуре имущество такой же стоимости, если на момент этих выплаты или выдачи имущества в натуре оно отвечает признакам несостоятельности (банкротства) в соответствии с Законом о банкротстве либо в результате этих выплаты или выдачи имущества в натуре указанные признаки появятся у общества. В соответствии с пятым абзацем пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве с даты вынесения арбитражным судом определения о введении наблюдения не допускается выплата действительной стоимости доли (пая).

Приведенные нормы права с учетом правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 19.10.2010 № 1279-О-О и Постановлении от 12.03.2001 № 4-П, регламентируют порядок удовлетворения требований о выплате действительной стоимости доли, не исключая возможность рассмотрения судом и принятия им решения по иску о взыскании действительной стоимости доли, с учетом того, что согласно статье 63 Закона о банкротстве с даты введения в отношении должника процедуры наблюдения приостанавливается исполнение исполнительных документов по имущественным взысканиям.

Таким образом, законом предусмотрены ограничения в отношении осуществления непосредственно выплаты действительной стоимости доли, что не препятствует арбитражному суду принять судебный акт о взыскании стоимости доли при наличии к тому оснований.

Суд правомерно исходил из того, что требование о взыскании действительной стоимости доли, поданное до возбуждения дела о несостоятельности (банкротстве), может быть удовлетворено, поскольку взыскание действительной доли с Общества не нарушает порядок распределения имущества ликвидируемого общества между его участниками. (Дело №А43-34808/2017).

В рамках другого дела бывший участник общества обратился в арбитражный суд к обществу с ограниченной ответственностью о взыскании 4 057 895 рублей действительной стоимости доли истца в уставном капитале Общества, а также 60 000 рублей расходов по оплате экспертизы.

Исковые требования основаны на статье 23 Федерального закона "Об обществах с ограниченной ответственностью" и мотивированы обязанностью Общества в полном объеме выплатить истцу, вышедшему из состава Общества, действительную стоимость доли.

Арбитражный суд вынес решение об удовлетворении исковых требований частично: взыскал с Общества в пользу истца 3 802 511 рублей действительной стоимости доли уставного капитала, 56 224 рубля расходов по оплате экспертизы; отказал в удовлетворении остальной части иска. Суд исходил из установленной действительной стоимости доли Фролова А.А. по состоянию на 31.12.2017. Суд отклонил довод истца о нарушении Обществом требований закона по факту уплаты налога на доходы физических лиц, который взимается при выплате участнику действительной стоимости доли.

Апелляционный суд изменил решение и удовлетворил иск полностью. Суд счел, что действительная стоимость доли подлежит выплате без вычета НДФЛ. Сославшись на пункт 7 статьи 23 Закона об ООО, суд указал, что датой реализации доли является дата внесения записи в Единый государственный реестр юридических лиц – 05.12.2018, поэтому пришел к выводу, что к отношениям сторон применим вступивший в силу 27.11.2018 Федеральный закон от 27.11.2018 № 424-ФЗ "О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах", в соответствии с которым отменено налогообложение физических лиц на доходы, полученные от реализации долей участия, если срок владения долей составил более пяти лет.

Суды установили, что общество было образовано в 2010 году. Истец будучи одним из его участников, подал заявление о выходе из Общества, которое последнее получило 23.11.2018.

В ЕГРЮЛ 05.12.2018 внесена запись о переходе к Обществу доли истца.

Общество выплатило истцу 1 964 489 рублей в качестве стоимости доли, в том числе 1 709 105 рублей на счет истца, 255 384 рубля - НДФЛ, который перечислен в бюджет.

В силу подпункта 2 пункта 7 статьи 23 Закона об ООО доля или часть доли переходит к обществу с даты получения обществом заявления участника общества о выходе из общества, если право на выход из общества участника предусмотрено уставом общества.

Согласно заключению эксперта действительная стоимость доли в размере 1/3 уставного капитала Общества по состоянию на 31.12.2017 составляет 5 767 000 рублей, по состоянию на 30.09.2018 - 5 767 000 рублей.

В соответствии с пунктом 17.2 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации не подлежат налогообложению (освобождаются от налогообложения) доходы физических лиц, получаемые от реализации долей участия в уставном капитале российских организаций, при условии, что на дату реализации таких долей участия они непрерывно принадлежали налогоплательщику на праве собственности или ином вещном праве более пяти лет.

В силу части 7 статьи 5 Закона от 28.12.2010 № 395-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», действующей на момент подачи Фроловым А.А. заявления о выплате действительной стоимости доли истца в уставном капитале Общества, положения пункта 17.2 статьи 217 Налогового кодекса Россий-

ской Федерации применяются в отношении долей в уставном капитале, приобретенных налогоплательщиками начиная с 01.01.2011.

Таким образом, Законом № 395-ФЗ предусмотрены два условия для освобождения от налогообложения по НДФЛ, получаемых от реализации (погашения) долей участия в уставном капитале российских организаций, а именно, непрерывность владения долями более пяти лет и приобретение долей не ранее 01.01.2011.

Затем в соответствии со статьей 3 Закона № 424-ФЗ часть 7 статьи 5 Закона N 395-ФЗ признана утратившей силу.

Согласно пункту 1 статьи 9 Закона № 424-ФЗ названный закон вступает в силу со дня его официального опубликования, а именно с 27.11.2018.

В пункте 11 статьи 9 Закона № 424-ФЗ предусмотрено, что в отношении долей в уставном капитале, приобретенных налогоплательщиками до 01.01.2011 и реализованных до дня вступления в силу Закона № 424-ФЗ (27.11.2018), применяются положения части 7 статьи 5 Закона № 395-ФЗ в редакции, действовавшей до дня вступления в силу Закона № 424-ФЗ, то есть до 27.11.2018.

Таким образом, доходы, полученные от реализации долей участия, освобождаются от обложения налогом на доходы физических лиц в соответствии с пункта 17.2 статьи 217 Налогового кодекса Российской Федерации при соблюдении условий, предусмотренных указанной нормой, независимо от момента их приобретения только после вступления в силу Закона № 424-ФЗ (после 27.11.2018).

Суд апелляционной инстанции, изменив решение суда первой инстанции, руководствуясь пунктом 7 статьи 23 Закона об ООО в редакции Закона N 252-ФЗ, вступившего в силу 11.08.2020, исходил из того, что суд первой инстанции не учел того, что датой реализации доли является дата внесения записи в ЕГРЮЛ, а не дата получения обществом заявления (требования) участника о выходе из общества и выплате доли. Суд второй инстанции указал, что изменения в ЕГРЮЛ внесены 05.12.2018, поэтому фактически реализация долей юридического лица произведена после вступления в действие Закона N 424-ФЗ, что освобождает истца от уплаты НДФЛ.

В рамках кассационного производства окружной признал данные выводы апелляционного суда ошибочными.

Признав дату реализации доли датой внесения записи в ЕГРЮЛ, суд апелляционной не учел, что Закон № 252-ФЗ, изменивший редакцию пункта 7 статьи 23 Закона об ООО, вступил в силу 11.08.2020, тогда как в момент подачи заявления участника о выходе действовал пункт 7 статьи 23 Закона об ООО в редакции Закона № 312-ФЗ в соответствии с которым доля или часть доли переходит к обществу с даты получения обществом заявления участника общества о выходе из общества.

В этой связи ссылка суда апелляционной инстанции на статью 3 Закона № 424-ФЗ и вывод о том, что дата реализации доли в уставном капитале Общества состоялась после 27.11.2018, ошибочны.

Таким образом, постановление апелляционной инстанции основано на неправильном применении пункта 7 статьи 23 Закона об ООО.

При таких обстоятельствах судебный акт арбитражного апелляционного суда был отменен, а решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Дела, связанные с исключением участника из общества

Участник общества обратился в арбитражный суд с иском к другому участнику об исключении последнего из числа участников.

В обоснование требований истец указал, что ответчик не участвует в управлении Обществом; несмотря на затруднительное положение Общества, ответчик отказался вносить дополнительный вклад в уставный капитал; потребовал возврата ранее представленных Обществу займов; являлся участником конкурирующего общества; представил доверенность руководителю конкурирующего общества на управление собственными долями в обществе; нарушил условия заключенного обществом договора коммерческой концессии о запрете участникам общества владеть конкурирующим бизнесом.

Судебными инстанциями в удовлетворении исковых требований отказано.

Суды установили, что в состав участников Общества входят истец, с долей участия 99,938 процента и ответчик с долей участия 0,062 процента.

На основании пункта 1 статьи 67 Гражданского кодекса Российской Федерации участник хозяйственного товарищества или общества вправе требовать исключения другого участника из товарищества или общества (кроме публичных акционерных обществ) в судебном порядке с выплатой ему действительной стоимости его доли участия, если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред товариществу или обществу либо иным образом существенно затрудняет его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось, в том числе, грубо нарушая свои обязанности, предусмотренные законом или учредительными документами товарищества или общества.

К таким нарушениям, в частности, может относиться систематическое уклонение без уважительных причин от участия в общем собрании участников общества, лишаящее общество возможности принимать значимые хозяйственные решения по вопросам повестки дня общего собрания участников, если непринятие таких решений причиняет существенный вред обществу и (или) делает его деятельность невозможной либо существенно ее затрудняет; совершение участником действий, противоречащих интересам общества, в том числе при выполнении функций единоличного исполнительного органа (например, причинение значительного ущерба имуществу общества, недобросовестное совершение сделки в ущерб интересам общества, экономически необоснованное увольнение всех работников, осуществление конкурирующей деятельности, голосование за одобрение заведомо убыточной сделки), если эти действия причинили обществу существенный вред и (или) сделали невозможной деятельность общества либо существенно ее затруднили (пункт 35 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

По смыслу названных норм права и приведенных разъяснений следует, что при рассмотрении заявленных требований суд должен дать оценку степени нарушения участником своих обязанностей, а также установить факт совершения участником конкретных действий или уклонения от их совершения и наступления (возможности наступления) негативных для общества последствий.

Отказывая в удовлетворении требований истца об исключении ответчика из состава участников Общества, суды обеих инстанций оценили в соответствии с требованиями статей 65, 67, 68 и 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, представленные в дело доказательства и правомерно исходили из недоказанности истцом приведенных в обоснование иска обстоятельств.

С данным выводом окружной суд согласился.

В пункте 6 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью» указано, что требование об исключении участника из общества с ограниченной ответственностью в связи с систематическим уклонением от участия в общих собраниях подлежит удовлетворению, если такое систематическое уклонение заведомо влекло существенное затруднение деятельности общества или делало ее невозможной и судом будет установлено отсутствие уважительных причин неявки участника либо его представителя на общие собрания.

Приняв во внимание, что размер доли ответчика в уставном капитале Общества составляет 0,062 процента, суд счел, что неучастие ответчика в общих собраниях участников Общества не может повлечь за собой существенное затруднение либо невозможность осуществления деятельности общества, кроме случаев, когда в силу закона или устава требуется единогласное решение участников. Наличие таких конкретных обстоятельств истец не доказал. (Дело № А29-8502).

Общество обратилось в арбитражный суд с иском о прекращении участия единственного участника в Обществе.

Исковое заявление основано на статьях 16, 23 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и мотивировано неисполнением участником обязанности по оплате уставного капитала.

Судами установлено, что Общество образовано единственным учредителем, который обязался оплатить уставный капитал денежными средствами путем внесения на момент государственной регистрации Общества всей денежной суммы на открываемый для этого временный счет Общества в любом банке. Способы защиты нарушенных прав предусмотрены статьей 12 Гражданского кодекса Российской Федерации. При этом Закон не предусматривает такого способа защиты, избранного истцом, как признание учредителя Общества утратившим права собственности на долю. Последствия невнесения учредителем вклада в уставный капитал Общества предусмотрены Законом об обществах с ограниченной ответственностью. Подпунктом 3 пункта 7 статьи 23 данного закона предусмотрено, что доля (часть доли) переходит к обществу с даты истечения срока оплаты доли в уставном капитале общества. В пункте 10 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.05.2012 № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью», разъяснено, что неполная оплата участником общества с ограниченной ответственностью доли в уставном капитале общества не является основанием для исключения такого участника из общества в указанном порядке, поскольку в этом случае в качестве специального последствия бездействия участника законом предусмотрен переход неоплаченной части доли к обществу (пункт 3 статьи 16 Закона № 14-ФЗ).

Таким образом, основанием для перехода доли к обществу является сам факт истечения срока, предусмотренного Законом № 14-ФЗ или уставом общества для оплаты доли. Само по себе неисполнение учредителем Общества обязанности по оплате доли в уставном капитале Общества не нарушает прав Общества.

С учетом изложенного, суды отказали в удовлетворении исковых требований. Суд кассационной инстанции поддержал судебные акты, принятые по делу.

Привлечение контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности

Налоговая инспекция обратилась в суд общей юрисдикции с исковым заявлением к учредителям и директору о привлечении ответчиков, как лиц, контролирующих общество с ограниченной ответственностью, к субсидиарной ответственности в виде взыскания 21 690 965 рублей 78 копеек задолженности по налогам (сборам), страховым взносам, пеням, штрафам.

В последствии дело передано на рассмотрение арбитражного суда.

Требование заявлено на основании статей 15, 53.1, 64.2 и 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее - Закон об ООО) и мотивировано тем, что ответчики совершили в личных интересах недобросовестные действия, причинив убыток бюджету Российской Федерации на сумму неполученных налогов, пеней и штрафов, а также бюджетам Пенсионного фонда Российской Федерации, Федерального Фонда обязательного медицинского страхования, Фонда социального страхования Российской Федерации на сумму неуплаченных страховых взносов, пеней и штрафов.

Суд первой инстанции, как и суд второй инстанции, отказали в удовлетворении иска ввиду недоказанности недобросовестности ответчиков.

Суды обеих инстанций, руководствуясь статьями 15, 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» (далее - Постановление № 62), Федеральным законом от 28.12.2016 № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Закон № 488-ФЗ), пришли к выводу об отсутствии правовых оснований для возложения на ответчиков субсидиарной ответственности, связанной с образованием у Общества задолженности по уплате налогов, указали на неприменимость к спорным правоотношениям пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО в связи с вступлением в законную силу указанного пункта после образования задолженности.

Суд кассационной инстанции отменил принятые судебные акты и направил дело на новое рассмотрение по следующим основаниям.

Инспекция приняла решение о предстоящем исключении Общества из единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) как недействующего юридического лица. В ЕГРЮЛ внесла запись об исключении Общества из ЕГРЮЛ на основании пункта 2 статьи 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ "О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей" (наличие признаков недействующего юридического лица).

Как указал истец, на дату исключения из ЕГРЮЛ Общество имело непогашенную задолженность по уплате в бюджет обязательных платежей в общей сумме 21 690 965 рублей 78 копеек, что подтверждается представленными в суд доказательствами.

Как отмечалось Верховным Судом Российской Федерации, долг, возникший из субсидиарной ответственности, подчинен тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда имуществу участников оборота (статья 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации) (пункт 22 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020), утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.06.2020).

При реализации этой меры ответственности не отменяется действие общих оснований гражданско-правовой ответственности - для привлечения к ответственности необходимо наличие всех элементов состава гражданского правонарушения: противоправное поведение, вред, наличие причинной связи между ними и вина правонарушителя.

Согласно пункту 3.2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.2021 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г.В. Карпук» при обращении в суд с соответствующим иском доказывание кредитором неразумности и недобросовестности действий лиц, контролировавших исключенное из реестра недействующее юридическое лицо, объективно затруднено. Кредитор, как правило, лишен доступа к документам, содержащим сведения о хозяйственной деятельности общества, и не имеет иных источников сведений о деятельности юридического лица и контролирующих его лиц.

Соответственно, предъявление к истцу (кредитору) требований, связанных с доказыванием обусловленности причиненного вреда поведением контролировавших должника лиц, заведомо влечет неравенство процессуальных возможностей истца и ответчика, так как от истца требуется представление доказательств, о наличии которых ему может быть неизвестно в силу его невовлеченности в корпоративные правоотношения.

Если истец представил доказательства наличия у него убытков, вызванных неисполнением обществом обязательств перед ним, а также доказательств исключения общества из единого государственного реестра юридических лиц, контролировавшее лицо может дать пояснения относительно причин исключения общества из этого реестра и представить доказательства правомерности своего поведения. В случае отказа от дачи пояснений (в том числе при неявке в суд) или их явной неполноты, непредставления ответчиком суду соответствующей документации бремя доказывания правомерности действий контролировавших общество лиц и отсутствия причинно-следственной связи между указанными действиями и невозможностью исполнения обязательств перед кредиторами возлагается судом на ответчика.

В обоснование заявленного требования истец указывал на наличие у Общества возможности для уплаты налоговых и страховых взносов в спорный период и представил соответствующие доказательства.

Однако суды от объективной оценки доказательств уклонились, ограничившись формальным указанием на недоказанность наличия условий для применения норм права о привлечении к субсидиарной ответственности ответчиков и не исследовав фактических обстоятельств дела по существу, чем существенно нарушили право истца на судебную защиту.

С учетом изложенного суд округа признал немотивированным вывод судов первой и апелляционной инстанций об отказе в удовлетворении иска, отменил судебные акты и направил дело на новое рассмотрение. (Дело № А29-8214).

Споры о признании сделок, совершенных обществом, недействительными

Участник общества обратился в арбитражный суд с иском о признании недействительным договора купли-продажи автомобиля. Ответчиками по делу являлись общество с ограниченной ответственностью (продавец) и физическое лицо (покупатель автомобиля).

Исковые требования основаны на положениях части 2 статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 45 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и мотивированы тем, что оспариваемая сделка является сделкой с заинтересованностью, не одобренной советом директоров Общества, как требует пункт 16.2.9 устава; что данная сделка причинила ущерб обществу. Истец также пояснил, что в связи с невозможностью определения места нахождения спорного автомобиля он просит взыскать с покупателя его стоимость в размере 2 012 000 рублей.

Суд установил, что в обществе избран совет директоров в количестве пяти человек.

В 2017 году общество продало автомобиль «Лексус» 2014 года выпуска физическому лицу за 250 000 рублей.

Согласно пункту 1.3 договора право собственности на автомобиль возникает у покупателя с момента полной уплаты стоимости, установленной в договоре.

Как следует из паспорта транспортного средства, сведения о физическом лице, – собственнике автомобиля внесены в паспорт 02.02.2018.

Поскольку ответчик (покупатель автомобиля) на дату совершения сделки являлась супругой директора Общества, суды пришли к правомерному выводу о том, что оспариваемый договор является сделкой с заинтересованностью, заключенным с нарушением порядка его одобрения.

Пунктом 6 статьи 45 Закона об обществах с ограниченной ответственностью предусмотрена возможность оспаривания сделок, в совершении которых имеется заинтересованность и которые совершены с нарушением требований, предусмотренных настоящим Федеральным законом (пункт 2 статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Согласно разъяснениям, изложенным в пункте 93 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - Постановление от 23.06.2015 № 25), пунктом 2 статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрены два основания недействительности сделки, совершенной представителем или действующим от имени юридического лица без доверенности органом юридического лица.

По первому основанию сделка может быть признана недействительной, когда вне зависимости от наличия обстоятельств, свидетельствующих о сговоре либо об иных совместных действиях представителя и другой стороны сделки, представителем совершена сделка, причинившая представляемому явный ущерб, о чем другая сторона сделки знала или должна была знать. О наличии явного ущерба свидетельствует совершение сделки на заведомо и значительно невыгодных условиях, на-

пример, если предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента. При этом следует исходить из того, что другая сторона должна была знать о наличии явного ущерба в том случае, если это было бы очевидно для любого участника сделки в момент ее заключения.

По этому основанию сделка не может быть признана недействительной, если имели место обстоятельства, позволяющие считать ее экономически оправданной (например, совершение сделки было способом предотвращения еще больших убытков для юридического лица или представляемого, сделка хотя и являлась сама по себе убыточной, но была частью взаимосвязанных сделок, объединенных общей хозяйственной целью, в результате которых юридическое лицо или представляемый получили выгоду, невыгодные условия сделки были результатом взаимных равноценных уступок в отношениях с контрагентом, в том числе по другим сделкам).

По второму основанию сделка может быть признана недействительной, если установлено наличие обстоятельств, которые свидетельствовали о сговоре либо об иных совместных действиях представителя и другой стороны сделки в ущерб интересам представляемого, который может заключаться как в любых материальных потерях, так и в нарушении иных охраняемых законом интересов (например, утрате корпоративного контроля, умалении деловой репутации).

Доказательства наличия сговора между ответчиками, направленного на причинение ущерба истцу, в материалы дела не представлены.

Исследовав и оценив собранные по делу доказательства, отчет оценщика, договор купли-продажи спорного автомобиля, в соответствии с требованиями статей 67, 68 и 71 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, суды обеих инстанций пришли к выводу о доказанности неравноценности встречного предоставления по спорной сделке, то есть вывод актива из общества по явно заниженной цене, что свидетельствует о причинении ущерба обществу и его участникам.

Суд кассационной инстанции согласился с данными выводами. (Дело № А11-13077/2018).

По другому делу участник общества просил арбитражный суд признать недействительными договоры займа и соглашение об отступном, которые были заключены между обществом с ограниченной ответственностью и другим участником Общества. В удовлетворении исковых требований истцу было отказано.

Отказывая в удовлетворении иска, суд первой инстанции признал, что оспариваемые сделки отвечают требованиям сделок с заинтересованностью, однако доказательств одобрения сделок в установленном законом порядке ни до, ни после ее совершения не представлено. Вместе с тем, руководствуясь пунктом 5 статьи 45 Закона № 14, суд пришел к выводу о наличии обстоятельств, при которых суд вправе отказать в удовлетворении иска о признании сделок недействительными.

В пункте 2 статьи 173.1 Гражданского кодекса Российской Федерации также предусмотрено, что поскольку законом не установлено иное, оспоримая сделка, совершенная без необходимого в силу закона согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления, может быть признана недействительной, если доказано, что другая сторона сделки знала или должна была знать об отсутствии на момент совершения сделки необхо-

димого согласия такого лица или такого органа.

В соответствии с пунктом 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» требование о признании сделки недействительной как совершенной с нарушением порядка одобрения крупных сделок и (или) сделок с заинтересованностью хозяйственного общества подлежит рассмотрению по правилам пункта 5 статьи 45 и пункта 5 статьи 46 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», пункт 6 статьи 79, пункт 1 статьи 84 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и иных законов о юридических лицах, предусматривающих необходимость одобрения такого рода сделок в установленном данными законами порядке и основания для оспаривания сделок, совершенных с нарушением этого порядка. Названные нормы являются специальными по отношению к правилам статьи 173.1 и пункта 3 статьи 182 и Гражданского кодекса Российской Федерации.

Соответственно, суд отказывает в удовлетворении требований о признании сделки, в совершении которой имеется заинтересованность и которая совершена с нарушением предусмотренных Закон № 14 требований к ней, недействительной при наличии одного из следующих обстоятельств:

- голосование участника общества, не заинтересованного в совершении сделки и обратившегося с иском о признании сделки, решение об одобрении которой принимается общим собранием участников общества, недействительной, хотя бы он и принимал участие в голосовании по этому вопросу, не могло повлиять на результаты голосования;

- не доказано, что совершение данной сделки повлекло или может повлечь за собой причинение убытков обществу или участнику общества, обратившемуся с соответствующим иском, либо возникновение иных неблагоприятных последствий для них;

- к моменту рассмотрения дела в суде представлены доказательства последующего одобрения данной сделки по правилам, предусмотренным настоящей статьей, с учетом имевшейся на момент совершения сделки и на момент ее одобрения заинтересованности лиц, указанных в пункте 1 настоящей статьи;

- при рассмотрении дела в суде доказано, что другая сторона по данной сделке не знала и не должна была знать о ее совершении с нарушением предусмотренных настоящей статьей требований к ней.

Согласно пункту 3 статьи 45 Закона № 14 решение об одобрении сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, принимается общим собранием участников общества большинством голосов от общего числа голосов участников общества, не заинтересованных в совершении такой сделки.

Из материалов дела усматривалось, что по состоянию на дату заключения оспариваемых договоров займа (с февраля 2014 года по апрель 2016 года) истец участником Общества не являлся. Он приобрел статус участника общества лишь с августа 2016 года, следовательно, не мог принимать участия в голосовании по этому вопросу и повлиять на результаты такого голосования.

Кроме того, в нарушение статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации истцом не доказано, что совершение данных сделок повлекло или могло повлечь за собой причинение убытков обществу или участнику общества, обратившемуся с соответствующим иском, либо возникновение иных

неблагоприятных последствий для них.

По условиям всех спорных договоров заем являлся беспроцентным, проценты за нарушение сроков возврата займа договорами не установлены.

Обязанность Общества по возврату полученных в долг денежных средств сама по себе не может расцениваться как неблагоприятные последствия.

С учетом изложенных обстоятельств суды пришли к правильному выводу о том, что истец не доказал факт причинения убытков Обществу или его участнику, либо возникновения иных неблагоприятных для них последствий в результате заключения спорных сделок.

Данный вывод суда соотносится с позицией Верховного Суда Российской Федерации, отраженной в определении от 13.11.2015 № 308-ЭС15-14021, согласно которой заключение договоров займа влечет за собой рост не только обязательств заемщика, но и увеличение его активов. Обязанность по возврату заемных средств не может расцениваться как неблагоприятное последствие, поскольку указанная обязанность обусловлена договором и соответствует началам гражданского законодательства (статьи 1 и 421 Гражданского кодекса Российской Федерации). (Дело № А11-2051/2017).

Восстановление корпоративного контроля

Участник общества обратился в арбитражный суд с исковым заявлением к обществу с ограниченной ответственностью о расторжении договора купли-продажи доли в уставном капитале и признании за истцом права собственности на долю в уставном капитале Общества в размере 84 процентов.

Суд первой инстанции удовлетворил исковые требования. Апелляционный суд оставил решение суда без изменения.

Истец (продавец) и Общество (покупатель) заключили договор купли-продажи доли в уставном капитале общества в размере 84 процентов по цене 540 229 885 рублей (в том числе НДС 13 процентов в размере 70 229 885 рублей).

По условиям договора общество взяло на себя обязанность исполнить функцию налогового агента, перечислив НДС за продавца в бюджет, а оставшуюся часть выкупной цены (470 миллионов рублей) уплатить истцу.

Согласно пункту 6.1. договора указанная цена подлежала оплате в рассрочку: в срок до 01.04.2020 подлежала уплате сумма 100 миллионов рублей, оставшаяся сумма – 370 миллионов рублей – подлежала оплате равными долями ежемесячно, начиная с 01.04.2020 до 31.12.2020.

Поскольку условие договора о выплате цены доли Общество не исполнило, истец потребовал расторжения данного договора и признания за ним права на долю в уставном капитале Общества за собой (в целях восстановления прав участника).

Согласно пункту 1 статьи 454 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Покупатель обязан оплатить товар непосредственно до или после передачи ему продавцом товара, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другим законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи и не вытекает из

существа обязательства (пункт 1 статьи 486 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Пунктом 2 статьи 489 Гражданского кодекса Российской Федерации предусмотрено, что когда покупатель не производит в установленный договором срок очередной платеж за проданный в рассрочку и переданный ему товар, продавец вправе, если иное не предусмотрено договором, отказаться от исполнения договора и потребовать возврата проданного товара, за исключением случаев, когда сумма платежей, полученных от покупателя, превышает половину цены товара.

Суды двух инстанций установили, что договор продажи доли в уставном капитале Общества заключен в порядке реализации ответчиком преимущественного права приобретения доли, что предусмотрено пунктом 4 статьи 21 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, пунктом 9.4 Устава Общества.

Факт нотариального удостоверения сделки по правилам пункта 11 статьи 21 Закона об обществах с ограниченной ответственностью подтвержден материалами дела.

Учитывая, что истец передал Обществу долю в уставном капитале Общества согласно выписке из ЕГРЮЛ, в соответствии с которой налоговый орган внес изменения 21.01.2020 за государственным регистрационным номером 2201100006688 о принадлежности доли Обществу, при этом Общество обязано по оплате стоимости доли в порядке, предусмотренном договором, не исполнило, суды первой и апелляционной инстанций пришли к обоснованному выводу о том, что спорный договор купли-продажи подлежит расторжению на основании пункта 2 статьи 450 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Суды верно исходили из того, что истец не получил от Общества какого-либо встречного предоставления за проданное имущество, а потому с очевидностью лишился того, на что вправе был рассчитывать при заключении спорного договора.

Изложенное соответствует правовым позициям высших инстанций (постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10.06.2014 № 1999/14, от 07.07.1998 № 7176/97, определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2017 № 78-КГ17-21).

Требование о признании истцом права собственности на долю уставного капитала Общества в размере 84% направлено на восстановление нарушенных прав и законных интересов истца как участника Общества, в связи с чем правомерно удовлетворено судом в соответствии с пунктом 3 статьи 488 Гражданского кодекса Российской Федерации (постановление Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.10.2011 № 5950/11). (Дело № А29-14076).

С учетом изложенного у суда кассационной инстанции не было оснований для отмены принятых по делу судебных актов.

Обжалование решения общего собрания

Участник общества обратилась в арбитражный суд с иском к обществу с ограниченной ответственностью о признании недействительным решения внеочередного общего собрания участников Общества, оформленного протоколом № 1, согласно которому доля истца в размере 50 процентов переходит к Обществу.

Ответчик в обоснование своей позиции по делу, об отказе в удовлетворении исковых требований, ссылался на тот факт, что истец в установленный законом

срок не исполнил обязанность по оплате своей доли в уставном капитале.

Судебными инстанциями исковые требования удовлетворены.

При этом суды применили статью 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица.

Вопрос об оплате истцом доли в уставном капитале был предметом рассмотрения судов трех инстанций по двум арбитражным делам, и во всех случаях суды исходили из недоказанности факта неоплаты истцом своей доли. Кроме того, с момента образования Общества истец принимал участие в управлении его делами, в качестве участника, другой участник не заявлял возражений в отношении наличия у истца статуса участника Общества или оплаты им доли в уставном капитале. Довод о неоплате доли в уставном капитале ответчик заявил только по истечении шести лет с момента образования Общества.

Приняв во внимание, что истец необоснованно был ограничен в праве на голосование, суды правомерно указали на нарушение Обществом процедуры проведения собрания, а потому законно и обоснованно удовлетворили иск. (Дело № А17-8386/2019).

Обжалование решения совета директоров общества

Акционер заявил, что решение совета директоров Общества принято в отсутствие кворума, так как директор, являющийся одновременно членом совета директоров, представляет собой заинтересованное лицо, а потому не может принимать участие в голосовании.

Суд первой инстанции иск удовлетворил.

Апелляционная инстанция решение суда отменила, в иске отказала.

Отменив решение суда первой инстанции и отказав в иске, суд апелляционной инстанции с учетом положений устава общества и Положения об оплате труда и иных выплатах генеральному директору, утвержденного решением совета директоров общества от 25.10.2017 № 8 (19), не оспоренного и не признанного в судебном порядке недействительным, пришел к выводу об отсутствии оснований, предусмотренных статьей 68 Федерального закона 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» для признания оспариваемых решений совета директоров общества недействительными: решения приняты в пределах компетенции органа управления общества, при наличии кворума и необходимым для принятия решений числом голосов; при определении результатов голосования по спорным вопросам на заседании совета директоров голос члена совета директоров, одновременно являющегося работником общества – генеральным директором, учтен правомерно ввиду неприменения к спорным решениям положений законодательства, регламентирующих порядок совершения корпорациями сделок с заинтересованностью ввиду малозначительности сумм спорных премий; порядок принятия решений органом управления общества применительно к фактическим обстоятельствам спора не нарушен; не доказано, что решениями нарушены права и (или) законные интересы

общества или комитета (единственный акционер).

Поскольку судом апелляционной инстанции установлено, что нарушений Закона об акционерных обществах, иных нормативно-правовых актов и внутренних документов корпорации и (или) прав и законных интересов истца не допущено, суд округа пришел к выводу, что в удовлетворении иска отказано обоснованно. (Дело №А29-15143/2019)

В рамках другого дела акционер обжаловал решение совета директоров акционерного общества о передаче здания гостиницы, состоящего из строения)литера А) общей площадью 1779,2 квадратного метра, оформленное в виде акта приема-передачи в качестве вклада в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью, и о применении последствий недействительности сделки в виде возврата в собственность акционерного общества недвижимого имущества.

Арбитражный суд первой инстанции удовлетворил исковые требования в полном объеме. При этом суд в отношении ходатайства ответчика о пропуске истцом срока исковой давности применил статью 10 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Апелляционная инстанция отменила решение, отказав в удовлетворении иска МУП города Коврова «Жилэкс» к ОАО «Гостиница «Ковров» и ООО «Мини-Отель» в полном объеме. Суд апелляционной инстанции посчитал, что истец пропустил срок исковой давности по требованиям об оспаривании решения совета директоров акционерного общества и об оспаривании сделки по передаче в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью имущества. При этом суд указал на ошибочность применения судом первой инстанции статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации к ходатайству ответчика о пропуске истцом срока исковой давности по заявленным требованиям.

Суд третьей инстанции в рамках кассационного производства оставил судебный акт апелляционной инстанции без изменения в силу следующего.

После того, как истец стал акционером ответчика в 2017 году, он узнал о том, что в 2009 году совет директоров акционерного общества принял решение о внесении в качестве дополнительного вклада общества в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью 1779/5981 доли здания гостиницы, состоящего из строения (литер А) общей площадью 1779,2 квадратного метра. «За» принятие указанного решения проголосовало четыре члена совета директоров.

До принятия судом решения ответчик заявил о пропуске истцом срока исковой давности для оспаривания решения совета директоров и сделки по внесению имущественного вклада в общество, оформленной актом приема-передачи.

Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (в редакции, действовавшей на момент принятия советом директоров решения от 04.03.2009) не устанавливал специального сокращенного срока исковой давности по требованию акционера о признании недействительными решений совета директоров. Ввиду отсутствия специального срока по этому требованию применяется общий трехгодичный срок исковой давности.

В силу статьи 181 Гражданского кодекса Российской Федерации срок исковой давности по требованию о применении последствий недействительности ничтожной сделки составляет три года. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня, когда началось исполнение этой сделки.

Срок исковой давности по требованию о признании оспоримой сделки не-

действительной и о применении последствий ее недействительности составляет один год. Течение срока исковой давности по указанному требованию начинается со дня прекращения насилия или угрозы, под влиянием которых была совершена сделка (пункт 1 статьи 179), либо со дня, когда истец узнал или должен был узнать об иных обстоятельствах, являющихся основанием для признания сделки недействительной.

В соответствии с пунктом 5 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16.05.2014 № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» (далее – Постановление Пленума от 16.05.2014 № 28) срок давности по иску о признании недействительной сделки, совершенной с нарушением порядка ее одобрения, исчисляется с момента, когда истец узнал или должен был узнать о том, что такая сделка требовала одобрения в порядке, предусмотренном законом или уставом, хотя бы она и была совершена раньше.

Истец указал, что стал акционером общества в 2017 году и о нарушении своих прав ему стало известно также в 2017 году.

Между тем оспариваемая сделка совершена до 01.01.2017, поэтому как следует из разъяснений, содержащихся в подпункте 1 пункта 11 постановления Пленума от 16.05.2014 № 28, течение исковой давности по требованиям участников, не обладавших данным статусом на момент совершения сделки, применительно к статье 201 Гражданского кодекса Российской Федерации начинается со дня, когда о совершении сделки с нарушением порядка ее одобрения узнал или должен был узнать правопреемник этого участника общества.

Суд апелляционной инстанции установил, что правопреемник истца – Совет народных депутатов на момент совершения оспариваемой сделки являлся акционером Общества и предполагается, что об ее совершении должен был узнать не позднее проведения годового общего собрания акционеров по итогам года, в котором была совершена оспариваемая сделка, за исключением случаев, когда информация о совершении сделки скрывалась от акционеров и (или) из предоставлявшихся акционерам при проведении общего собрания материалов нельзя было сделать вывод о совершении такой сделки (например, если из бухгалтерского баланса не следовало, что изменился состав основных активов по сравнению с предыдущим годом). Председатель совета директоров акционерного общества был законным представителем совета народных депутатов и решение о совершении сделки, утверждение оценки имущества принималось с его участием.

Его правопреемник, истец по делу, обратился в арбитражный суд с иском в 2017 году, то есть с пропуском годичного срока, установленного в пункте 2 статьи 181 Гражданского кодекса Российской Федерации для защиты нарушенного права, и трехгодичного срока, предусмотренного пунктом 1 названной статьи.

Довод истца о необходимости отказа в применении срока исковой давности в качестве санкции был отклонен судом кассационной инстанции в силу следующего.

Срок исковой давности не применяется по правилам пунктов 1 и 2 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая запрещает пользоваться правами исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действуя в обход закона с противоправной целью, а также злоупотребления правом.

Вместе с тем необходимо учитывать, что такой вид санкции, как отказ в применении срока исковой давности, должен использоваться только тогда, когда

судом непосредственно установлено, что в результате недобросовестных действий такого лица стало невозможным либо затруднительным своевременное обращение в суд для защиты своих прав. К таким действиям можно отнести умышленное сокрытие совершенной сделки, предоставление недостоверной информации о дате ее совершения и т.д. В данном случае истец не привел доводов, свидетельствующих о наличии препятствий для своевременного обращения в суд для защиты своих прав, которые возникли в результате действий ответчика. Суд апелляционной инстанции таких обстоятельств не установил. (Дело №А11-11034/2016).

Судья

Павлов В.Ю.

Помощник судьи

Емелина М.Е.